

БОРЬБА С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ИРРЕГУЛЯРНЫХ ВОЙСК ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА)

Л.М. САТАНОВА,
к.ю.н., профессор кафедры
«Право» Казахского
национального
аграрного исследовательского
университета
(г. Алматы, Казахстан),
e-mail: satanova1969@mail.ru

Актуальность темы статьи заключается в выявлении последствий применения ряда законодательных актов Российской Империи, принятых в ходе борьбы с политическими преступлениями («Положение об усиленной и чрезвычайной охране», «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 года) в отношении Туркестанского военного округа. *Предметом исследования* являются вышеприведенные законодательные акты, имевшие временный характер, но широко применявшиеся на территории Туркестанского военного округа. *Цель работы* – исследовать роль и историческое значение мер законодательного характера, задача которых заключалась в пресечении политических преступлений. При подготовке статьи автором были использованы такие *методы* исследования, как сравнительный и сопоставительный анализ полученных результатов; метод систематизации исторических данных. *Новизна работы* обусловлена использованием архивных материалов, ранее не привлекавшихся в научный оборот; законодательных актов, не подвергавшихся научному

анализу и исследованию. *Основные выводы.* Политическая активность населения в Туркестанском военном округе в описываемый период вызывала серьезные опасения со стороны действующей власти, что в свою очередь сподвигло последних к принятию временных законодательных актов, на основании которых лица могли привлекаться к уголовной ответственности за совершение политических преступлений. Чрезвычайные законы военного времени не разграничивали действие данных законодательных актов по субъектам, в отношении которых они применялись, тем самым подвергая лиц, имеющих непосредственное отношение к военной службе и не имеющих к ней отношения, одним и тем же видам наказания (как правило смертной казни). Массовое применение норм «Положения об усиленной и чрезвычайной охране» и «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» не возымело своего изначально запланированного результата, поскольку революционный накал в среде населения Туркестанского военного округа не спал, а более того усугубился. Это доказывается последующими историческими событиями, приведшими к революции и народным восстаниям.

Ключевые слова: политические преступления, Российская Империя, Туркестанский край, законодательные акты, военное положение, военно-полевые суды, смертная казнь, революция.

Введение

После убийства народовольцами Российского императора Александра II в 1881 году на престол взошел его сын Александр III. Царствование нового императора ознаменовало собой применение усиленных репрессий, направленных против революционно настроенной части населения страны. На должность министра внутренних дел был назначен Н.П. Игнатъев (доверенное лицо императора Александра III), который начал свою деятельность с разработки законоположений, устанавливавших в стране чрезвычайное положение. «При МВД было создано Особое совещание, имевшее все полномочия ссылать людей без суда на срок до 5 лет. В августе 1881 года было принято временное «Положение об усиленной и чрезвычайной охране». Данное положение давало администрации права главнокомандующего армией во вражеской стране. «Положение» просуществовало до 1917 года, лишней раз, подтвердив расхожее мнение о том, что в России нет ничего более постоянного, чем временное».¹

Одновременно существовало «выше 20 законодательных актов, определявших порядок усиленной ответственности лиц гражданского ведомства за преступления политического характера», что «вызывало необходимость кодификации всех изданных до 1881 года постановлений, направленных к противодействию революционному движению».² В 1881 году 14 августа последовало утверждение императором положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое было разработано Комитетом министров. «Положение явилось результатом «совокупного пересмотра» всех временных законов, изданных с 1870 года, и представлялось законом исключительным, устанавливающим «на время чрезвычайные меры преходящего свойства для водворения полного спокойствия и для искоренения крамолы».³ Именно такие цели и задачи ставились верховными властями Российской империи в ходе применения данного законоположения. На эти временные законы, которые нередко имели затяжное применение, возлагались большие надежды в деле установления политической стабильности в стране или хотя бы в ослаблении революционной активности населения. Таким образом, с изданием вышеназванного положения и введением его в действие отменялись все ранее изданные законодательные акты и распоряжения, наделявшие исключительными полномочиями администрации, а также воинская подсудность. Из чего следовало, что с 1881 года «деятельность военных судов как орудия борьбы с политическими преступлениями была поставлена в строго определенные пределы».⁴

¹ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830-1884. Соб. 2. Отд. 1. Т. 45, № 48354. С. 209.

² Столетие военного министерства 1802-1902 / Главное военно-судное Управление. Исторический очерк / Гл. ред. Скалон Д.А. СПб., 1914. Т. 12. Книга I. Часть 2. С. 410.

³ Там же.

⁴ Там же.

Основные положения

Согласно положению 14 августа 1881 года, высший надзор и контроль по охране государственного порядка и общественного спокойствия осуществлялись Министерством внутренних дел. Объем полномочий местных властей всецело зависел от степени общественных беспорядков и политической дестабилизации в регионе. В зависимости от вышеупомянутых обстоятельств, та или иная местность могла оказаться в положении усиленной или чрезвычайной охраны.

Материалы и методы

Первоисточниками для исследования послужили:

1. Полное собрание законов Российской Империи – в качестве наиболее полного сборника законодательных актов Российской империи. Акты были расположены в хронологическом порядке, по мере их утверждения императором.

2. Столетие военного министерства. 1802-1902 – исторический очерк был составлен по приказу Николая II. Посвящен истории деятельности министерств и ведомств за 100 лет. Содержит в себе ценные материалы, позволяющие более углубленно раскрыть тему данной научной статьи.

3. Стенографические отчеты заседаний Государственной Думы от 1907 года явились основным источником для исследования отношения депутатов к временным положениям, принятым для борьбы с политическими преступлениями. Официальные издания стенограмм послужили важными достоверными материалами для исследования.

4. В качестве примеров из архивных материалов были использованы документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан:

- фонд 64 – 1884-1919 Верненский окружной суд Министерства юстиции г. Верный Семиреченской области;

- фонд 76 – 1908 2-ой Семиреченский казачий полк Туркестанского военного округа г. Верный Семиреченской области.

При подготовке данной статьи автором были использованы такие методы исследования, как сравнительный и сопоставительный анализ полученных результатов; метод систематизации исторических данных.

Результаты исследования

1. Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»

По статье 17 Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» в местностях, не подконтрольных генерал-губернаторам, в силу пребывания их под усиленной охраной, Министерство внутренних дел имело следующие полномочия: 1) определять подсудность уголовных дел и передавать их на рассмотрение военного суда для назначения наказания в отношении осужденного по закону военного времени; 2) устанавливать рассмотрение отдельных дел, проходящих по обвинению в политических преступлениях, в условиях закрытых дверей в силу того, что их открытое слушание могло послужить причиной для народного волнения.

Процессуальные нормы военного суда определялись в Своде военных постановлений, книге XXIV, разделе 5, главе 5. Введенные дополнения по поводу объявления местности на положении усиленной охраны явились новаторскими в той

части, когда лица, виновные в вооруженном сопротивлении властям или в нападении на должностных лиц войск и полиции, а также на других лиц, исполнявших служебные обязанности, в случаях если правонарушения имели отягчающие обстоятельства, как то: убийства или же покушения на убийства, нанесения телесных повреждений различной тяжести, поджоги и иные формы насилия, то в таких случаях наказания назначались по статье 279 «Воинского устава о наказаниях». Данная статья предусматривала смертную казнь. Для рассмотрения этих дел в качестве временных членов, назначались штаб-офицеры, при этом вышестоящими властями для каждого отдельного дела утверждались вновь назначенные офицеры. Дела по обвинению в государственных преступлениях слушались при закрытых дверях. Утверждение приговоров предоставлялось генерал-губернаторам. В местностях же им неподчиненных – командующим войсками на основании статей 1234, 1238, 1241 книги XXIV Свода военных постановлений.⁵

В своем очень эмоциональном выступлении по поводу отмены военно-полевых судов депутат Государственной Думы В.А. Маклаков (годы жизни 1869 – 1957, российский адвокат, политический деятель) говорил: «У нас администраторы обладают правом не соблюдать законы. Знакома ли вам статья 17 положения Усиленной Охраны? Она дает полномочия генерал-губернаторам в военном суде рассматривать отдельные уголовные дела по их личному усмотрению, когда они считают это необходимым. Не общий закон, а усмотрение генерал-губернатора определяет норму, которую применяют к подсудимому. Именно по этой причине на практике мы видим то, что представляется загадкой как для нас, так и для Европы. Если при одних обстоятельствах за убийство министра военный суд назначает повешенье, то при других, за те же самые, судебная палата ссылает на каторгу. Словом, нет общего закона, нет суда, а для каждого отдельного случая есть усмотрение генерал-губернатора».⁶

Когда местность переходила в режим чрезвычайной охраны, главноначальствующему предоставлялось «право изъятия не только отдельных дел, но также и «дел об известного рода преступлениях и проступках» с передачей их в военные суды согласно установлениям статей 17 и 18 Свода военных постановлений,⁷ чем существенно расширялись его полномочия. Кроме того, главноначальствующему были предоставлены права командующего армией в военное время».⁸

В местностях, не переходивших в режим исключительного положения, но располагавшихся по соседству с подобными губерниями, по распоряжению Комитета министров устанавливались правила, по которым Министерством внутренних дел, по согласованию с Министерством юстиции, за государственные преступления, а также за вооруженное сопротивление властям или нападение на воинских и полицейских чиновников, а также на других должностных лиц, состоявших на службе, в случаях если правонарушения имели отягчающие обстоятельства, как

⁵Столетие военного министерства 1802-1902 / Главное военно-судное Управление. Исторический очерк / Гл. ред. Скалон Д.А. СПб., 1914. Т. 12. Книга I. Часть 2. С. 410-411.

⁶Военно-полевые суды / отчет Государственной Думы. СПб.: Типография Н.Н. Клобукова, 1907. – 112 с. С. 28-29.

⁷Свод военных постановлений 1869 года. Ч. 6, Уставы Военно-уголовный, Дисциплинарный и Военно-судебный. СПб., 1879. С. 267

⁸Столетие военного министерства 1802-1902 / Главное военно-судное Управление. Исторический очерк / Гл. ред. Скалон Д.А. СПб., 1914. Т. 12. Книга I. Часть 2. С. 411-412.

то: убийства, или же покушения на убийства, нанесения телесных повреждений различных тяжестей, поджоги и иные формы насилия – предавались военному суду лица гражданского ведомства по законам военного времени. Наказание для них устанавливалось по статье 279 «Воинского устава о наказаниях», которая предусматривала смертную казнь.⁹

Несмотря на то, что Положение было принято непосредственно для предотвращения политических преступлений, военная подсудность расширялась также статьями Свода военных постановлений. Эти законы были приняты в целях преследования виновных за общие преступления, но по каким-либо причинам имеющих особое значение для общественной безопасности. В 1891 году в Туркестанском военном округе была установлена подсудность лиц гражданского ведомства военному суду за похищение, при участии военнослужащих, оружия с военного склада, патронов и пороха. Эти меры были приняты для того, чтобы оружие и боеприпасы не попадали в руки местного населения.

Наиболее существенное изменение в статью 91 Свода военных постановлений в сторону его ужесточения было внесено в 1887 году приказом № 179 по всему военному ведомству. Изменение заключалось в том, что военнослужащего в мирное время могли судить и наказывать по законам военного времени. Применение этой статьи было возможно лишь в чрезвычайных случаях, «когда преступление совершалось хоть и в мирное время, но по особенной важности обстоятельств, коими оно сопровождалось, признавалось необходимым, для охранения воинской дисциплины, судить виновных по всей строгости военно-уголовных законов».¹⁰ Распоряжение о применении ст. 91 должно было исходить от командующего войсками округа. Степень чрезвычайности случая также решалась местными военными властями, из чего следовало, что под чрезвычайностью можно было понимать что угодно.

Объявление военного положения в местности (такая трагическая участь постигла весь Казахстан в 1905 году) давало неограниченную возможность местным властям предавать военному суду лиц, не принадлежащих к составу армии. Это означало, что смертная казнь стала наиболее распространенным видом наказания применительно ко всем лицам, дела которых были переданы военным судам. В 1905 году Министерство внутренних дел разослало секретный документ генерал-губернаторам, в котором говорилось, что «несмотря на меры, принимаемые к ускорению производства по делам о гражданских лицах, предаваемых военному суду для суждения по законам военного времени, дела эти получают иногда окончательное решение и состоявшиеся по ним приговоры приводятся в исполнение не в столь короткий срок, как это предоставлялось бы желательным».¹¹ Такая нежелательная медлительность военного суда объяснялась в документе тем, что подсудимые подавали кассационные жалобы на приговоры суда. Министерство, ссылаясь на статью 1401 Военно-судебного устава¹² и статью 19 Положения об охране, на-

⁹Там же. С. 413.

¹⁰Столетие военного министерства 1802-1902 / Главное военно-судное Управление. Исторический очерк / Гл. ред. Скалон Д.А. СПб., 1914. Т. 12. Книга I. Часть 2. С. 410-412.

¹¹ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5655, л. 13.

¹²Свод военных постановлений 1869 года. Ч. 6, Уставы Военно-уголовный, Дисциплинарный и Военно-судебный. СПб., 1879. С. 267.

поминало местным военным властям, что генерал-губернаторам и командующим войсками позволялось по вышеназванным законам «не давать хода по данным жалобам в тех случаях, когда интересы общественной безопасности вызывали необходимость немедленного исполнения над подсудимым наказания», и далее тем же ведомством предлагалось «направлять подаваемые подсудимыми кассационные жалобы в Главный Военный суд в тех только случаях, когда усматривались достаточные к тому основания». ¹³ О каких основаниях идет речь, в документе ничего не оговаривалось даже приблизительно. Было совершенно непонятно, в силу каких обстоятельств мог быть обжалован приговор военного суда. Довольно расплывчатое определение, которое дословно формулировалось как «достаточное к тому основание», позволяло более чем широко применять предписания данного секретного документа. Полагаясь исключительно на свое усмотрение и субъективное отношение к тем или иным рассматриваемым делам, местная власть оказалась той важной инстанцией, которая могла единолично решать судьбу каждого подсудимого и в рекордно короткие сроки.

Таким образом, Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» явилось законом военного времени, предусматривавшим широкое применение смертной казни. На основании вышеприведенного законодательного акта военным судам предавались не только лица, имевшие прямое отношение к действующей армии, но и представители иррегулярных войск и гражданские лица. Тяжкое последствие для местности, в отношении которой имело свое действие Положение, усугублялось также тем, что формулировки в текстах законов, могли предполагать толкование по собственному усмотрению органов, применявших известный законодательный акт.

2. Борьба царских властей с политическими преступлениями на территории Туркестанского военного округа

В тот сложный исторический период, когда в самой метрополии и в ее колониальных окраинах бушевал дух революции, многие виды общественно опасных деяний квалифицировались военными судами как политические преступления. Так, например, ограбление казенных винных лавок расценивалось властями как организованный политический акт противостояния, имеющий цель нанести вред казне и «дававший полное основание рассматривать это явление не как случайное, а как имеющее характер правильной революционной организации». ¹⁴ В 1905 году департамент полиции МВД секретно распорядился о том, что необходимо принять все меры к охране данного объекта от разграбления.

Казачьи войска в самые сложные исторические периоды для Российской империи являлись надежным орудием подавления каких бы то ни было народных волнений и противостояний. Историческая же миссия Семиреченского казачьего войска обременялась также тем, что на его плечи возлагалось осуществление колонизаторской политики царской России во всей обширной среднеазиатской окраине. С конца XIX и с начала XX века революционное и национально-освободительное движение по всей стране набирали все больший оборот, что в итоге привело государство к глобальным политическим потрясениям. Семиречье было

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5655, л. 15.

не исключением. Хотя местные военные власти рапортовали верховным властям о том, что «сельское, казачье и киргизское население края для осуществления революционных задач вообще мало пригодно. Сколько-нибудь серьезных массовых выступлений среди крестьянского населения не наблюдалось»,¹⁵ тем не менее, регион нельзя было назвать абсолютно спокойным в политическом плане. В рядах Семиреченского казачьего войска, некогда надежного и верного орудия подавления всякого противодействия властям, началось «брожение в умах», особенно это замечалось среди казаков нижнего чина. Так, в 1905 году у молодого ученика фельдшера Джаркентского военного лазарета Гордеева было обнаружено 6 прокламаций Российской социал-демократической рабочей партии, «которые были им получены в конверте на имя казака 2-го Сибирского полка Лоскутова, находившегося на излечении в Джаркентском военном лазарете».¹⁶ В найденных прокламациях также был обнаружен призыв к сибирским казакам. Дословно в нем писалось: «Товарищи казаки! Не отдавайте себя на позорную рабскую службу царской полиции, царским хулиганам. Не разгоняйте народных собраний и сходок, не арестовывайте борцов за свободу, не пускайте свои силы, своего оружия против народных сил».¹⁷ Призыв был подписан группой сибирских казаков.

В 1907 году 20 января прокурор Ташкентской судебной палаты барон Тузенгаузен секретно отправил инструкцию из 8 пунктов прокурору Верненского окружного суда и сопроводил данный документ некоторыми пояснениями: «В целях наблюдения за правильным и единообразным по всему вверенному моему надзору округу направлением дел о государственных преступлениях я нахожу необходимым и при действии закона 6 октября 1906 года, передавшего дела означенной категории в ведение окружных судов, иметь подробные сведения о ходе и направлении предварительных следствий и дознаний по означенным делам».¹⁸ В конце инструкции барон предлагал: «В виду особенной важности дел о государственных преступлениях предлагаю ... быть по возможности всегда самым подробным образом в курсе... предварительных следствий и дознания. Дальнейшее же направление всех оконченных предварительных следствий и дознаний и поддержание обвинения по всем делам, которые будут внесены в суд с обвинительными актами, предлагаю Вашему Высочородию принимать исключительно на себя лично».¹⁹

В том же 1907 году в апреле из Туркестанского военного округа прокурору Верненского окружного суда секретно было отправлено письмо, где говорилось, что на основании статьи 1035 части 1 книги 3 XVI Свода законов Российской Империи все прокламации антиправительственного содержания и революционные листовки, подобранные военными служащими, должны были представляться по команде на распоряжение прокурору окружного суда. Штаб войск Туркестанского военного округа выражал недовольство работой прокурора окружного суда в отношении того, что «за два года прокламаций было препровождено в прокуратуру Верненского окружного суда весьма большое количество, но еще не было ни одного случая, когда были бы открыты составители или даже распространители

¹⁵ Там же. Д. 3885, л. 14.

¹⁶ Там же. Д. 731, л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 5655, л. 31.

¹⁸ Там же. Д. 728, л. 34.

¹⁹ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 728, л. 34.

этих прокламаций».²⁰ Расследование, считали военные власти области, по поводу распространения прокламации в войсковых частях велось не энергично и не вызвало желаний нижних чинов предоставлять начальству какую-либо известную им информацию. Далее военное начальство настаивало на том, чтобы принимались все меры к отысканию распространителей среди войск революционных листовок.

Таким образом, на основании законов военного времени (в частности Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое явилось главным законодательным документом по борьбе с политическими преступлениями, а также на основании статьи 1035 части 1 книги 3 XVI Свода законов Российской Империи) в Туркестанском военном округе к ответственности за совершение политических преступлений привлекалось практически все население. Правонарушения, которые, казалось бы, являлись далекими от политических (например, разграбление винных лавок), могли квалифицироваться как политические. Данный факт свидетельствовал о том, что Туркестанский военный округ был в не меньшей степени охвачен революционным настроением и испытывал политическую дестабилизацию. Действующая власть, пытаясь пресечь возрастающее революционное настроение в различных слоях общества путем предания их военному суду, проявляла небезосновательный страх в ожидании серьезных политических кризисов, что и подтвердилось впоследствии свершившейся в 1917 году революцией.

3. Депутаты Государственной Думы о политических преступлениях

В 1907 году на второй сессии Государственной Думы депутатом В.Д. Кузьмин-Караваевым (годы жизни 1859-1927, русский юрист, общественный и политический деятель) был сделан доклад по поводу представленного Министерством юстиции вопроса «об оставлении в силе временного закона 18 августа 1906 года по усилению ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных судов дел по означенным преступным деяниям». В.Д. Кузьмин-Караваев в своем докладе отметил, что законопроект включает в себе две части. Во-первых, он касался изменения определения материального уголовного права, во-вторых, проект вносил специальные правила в процессуальный кодекс. В обоих случаях общим, по мнению депутата, являлось выделение в отдельный состав преступную пропаганду тогда, когда она совершалась среди военнослужащих во время исполнения ими обязанностей военной службы. Политическую пропаганду, независимо от предложенного проекта закона, составляло деяние, предусмотренное статьей 130 Уголовного уложения, которое каралось в одних случаях ссылкой на поселение, в других – лишением свободы в тюрьмах. Таким образом, так как политическая пропаганда признавалась по уголовному закону преступным деянием, то речь в предлагаемом законопроекте более всего шла о размере ответственности за вышеназванное преступление, а именно за агитационную деятельность среди военнослужащих при исполнении ими служебных обязанностей. «Когда же деяния совершались при специальных условиях, – говорил депутат, – по законопроекту оно должно было быть обложено более суровым наказанием, а именно: срочной каторгой или катор-

²⁰Там же. Л. 53.

гой на срок не ниже 6 лет, которая предусматривалась для квалифицированных случаев. Между тем, по ст. 130 Уголовного уложения²¹ для квалифицированных случаев наказание могло быть доводимо только до каторги на срок не выше 8 лет, а здесь каторга на срок не ниже 6 лет».²² В своем достаточно подробном выступлении перед депутатами Государственной Думы В.Д. Кузьмин-Караваев говорил: «Допустим, я – агитатор, устрою у себя на квартире митинг, созову солдат и буду агитировать среди них, или я тот же агитатор приду в казармы и буду агитировать там, – ведь согласитесь, что различие между двумя примерами чисто внешнее, чисто случайное. Неужели есть основание так градировать, так различать карательные ставки для случаев одного рода и для случаев другого рода? Если статья на точку зрения вреда, то я считаю еще весьма сомнительным, какой из этих двух примеров представляет собой большой вред для государства и для войска».²³ Депутат не видел необходимости выделять в отдельный состав вышеобозначенное деяние от той, что было уже предусмотрено ранее статьей 130 Уголовного уложения. Таким образом, докладчик в целом не поддерживал предлагаемый законопроект относительно усиления ответственности за пропаганду в войсках, а также за изменение подсудности, в смысле передачи дела гражданских лиц военным судам с целью усиления репрессии.

В том же 1907 году на второй сессии Государственной Думы рассматривалось представление МВД «о порядке исполнения воинской повинности лицами, привлеченными к дознанию по государственным преступлениям, а равно подвергнутыми гласному надзору полиции в силу положения об охране».²⁴ Суть предлагаемого законопроекта от 6 ноября 1906 г. заключалась в том, что на основании ст. 87 был издан закон, по которому статьи 169 и 194 устава о воинской повинности распространялись на лиц, привлеченных к формальному дознанию, а также и на лиц, которые находились под гласным надзором полиции. Эти временные меры МВД пыталось утвердить как постоянно действующий закон для ужесточения борьбы с политическими преступлениями. Статьи 169 и 194 предусматривали, что находившиеся под следствием или судом к отбыванию воинской повинности не допускались до окончания следствия или суда. Действие этих статей МВД предлагалось расширить и применять в отношении лиц, привлеченных к дознанию и находившимся под гласным надзором полиции как правоограничительную меру. Докладчик М.С. Аджемов (годы жизни 1878-1953, российский политик, член Конституционно-демократической партии), представлявший комиссию по вопросу о неприкосновенности личности, данный проект закона не поддержал, мотивировав свое решение тем, что «ни соображения общего характера, ни соображения чисто юридического характера не могут позволить согласиться с тем, чтобы этот закон продолжал действовать», т.к. «в нем нарушались общие принципы, лежавшие в основе законодательства».²⁵

²¹Уголовное уложение 1903 г. // Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. XV.

²²Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты 1907 года. Сессия вторая, заседание 44, 22 мая 1907 года. СПб.: Государственная типография, 1907. Том 2. Столб. 995-997.

²³Там же. Столб. 10000.

²⁴ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXVI. СПб., 1906. № 27480. С. 207.

²⁵Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты 1907 года. Сессия вторая, заседание 44, 22 мая 1907 года. СПб.: Государственная типография, 1907. Том 2. Столб. 925.

4. Политические преступления в Семиреченском крае (на примере Семиреченского казачьего войска)

В начале 1908 года Департамент полиции МВД разослал генерал-губернаторам документ, содержащий следующее предписание: «Наиболее действенным законным способом является быстрая и грозная судебная репрессия, беспрепятственному осуществлению которой и обязаны способствовать по мере сил и представленных прав, прежде всего, все органы Правительства, а между ними на первом плане – полиция как власть, на которую закон возлагает предупреждение готовящихся, раскрытие совершившихся и пресечение обнаружившихся преступных замыслов. В этой области деятельность полиции тесно связана с отправлением правосудия».²⁶ Такими более чем широкими полномочиями были наделены непосредственно министерством органы полиции в Туркестанском военном округе.

После свержения Временного правительства и победы большевиков во главе с В.И. Лениным в октябре 1917 года в рядах Семиреченского казачьего войска наблюдалась активизация революционных действий среди казаков нижнего чина. В декабре того же года командующим войсками Семиреченской области и начальником гарнизона г. Верного подьесаулом Сапожниковым рассматривалось постановление Войскового совета и Войскового правления о казаке Больше-Алматинской станицы А. Березовском, которого обвиняли в: 1) выкрикивании на заседаниях слов с явно провокационной целью; 2) организации митингов без разрешения уполномоченных властей, также с явно агитационной целью против власти, порядка и казачества для совершения погромов; 3) в помещении в Семиреченской крестьянской газете статьи под названием «Кто же, наконец, большевики?». Статья критиковала действия Войскового совета с целью подорвать к нему доверие и авторитет казачества, а также подорвать доверие к народному избраннику, советнику Войскового правления В. Егошкину, «вызывая брожение и в связи с последним, дезорганизацию и анархию среди казаков – единственных людей, стоящих на стороне порядка и законности», отмечалось в документе. В отношении А. Березовского было постановлено: «казака Больше-Алматинской станицы А. Березовского заключить в Верненскую областную тюрьму сроком на три месяца, о чем объявить ему. Копии препроводить прокурору Верненского окружного суда, Войсковому совету и Войсковому правлению Семиреченского казачьего войска и третью копию отправить с обвиняемым начальнику Верненской областной тюрьмы».²⁷ Дальнейшая судьба А. Березовского была тесно связана с идеями революции. Отбыв наказание за политическую деятельность, по возвращении из мест лишения свободы он вновь попал в тюремное заключение, где и погиб при неизвестных обстоятельствах.

В постановлении Войскового совета Семиреченского казачьего войска 1917 года значилось, что на основании постановления комитета 2-й отдельной сотни из казаков запасного разряда Семиреченского казачьего войска, рапорта командира и других документов было установлено, что урядник Трофим Ерискин «не кто иной как большевик... действующий разлагающе на армию и принимая во внимание вооруженное выступление большевиков против Временного правительства»,²⁸ Во-

²⁶ЦГА РК, ф. 76, оп. 1, д. 731, л. 26.

²⁷Там же. Д. 825, л. 396.

²⁸ЦГА РК, ф. 76, оп. 1, л. 37.

енный совет постановил: руководствуясь статьями 319, 470-474 Свода военных постановлений, применить меру пресечения в отношении урядника Т. Ерискина в виде заключения в Верненской тюрьме и весь собранный по делу материал с постановлением передать военному следователю. Также было постановлено Т. Ерискина исключить из войскового сословия и вопрос об исключении его из войска передать на утверждение Войскового круга, копии постановления были высланы военному комиссару Туркестанского военного округа Иванову, прокурору Военного окружного суда и областному комиссару.

Другой случай, в котором неподчинение военным начальникам расценивалось как опасное явление в войсковых структурах, приводящее ко всеобщему беспорядку и неповиновению, рассматривался Командующим войсками Семиреченской области и начальником гарнизона г. Верного подьесаулом Сапожниковым. В 1917 году был прислан Войсковым правлением рапорт прапорщика А. Кашкарова, и из этого рапорта усматривалось, что «казак Семиреченской запасной конной сотни С. Зезев обвинялся в том, что на вечерней поверке, когда нарядчиком была вызвана смена людей для охраны Областного комиссара К. Шкапского, заявил, что в наряд он не пойдет, ибо не хочет охранять всяких офицеров, награбивших себе денег и теперь трясущихся за свою жизнь». ²⁹ Такое заявление войсковое начальство посчитало небезопасным для казаков запасной сотни как войсковой единицы, а также подрывающим дисциплину и подстрекательством к неповиновению войсковым властям. На основании изложенного, было постановлено: «Казака Семиреченской запасной конной сотни С. Зезева заключить под стражу на три месяца, копии препроводить прокурору Верненского окружного суда, Войсковому совету, Войсковому правлению Семиреченского казачьего войска и вместе с обвиняемым начальнику Верненской областной тюрьмы». ³⁰

Со стороны гражданских лиц также отмечались попытки вызвать в рядах войск неповиновение военным начальникам. Так, например, гражданин города Верного Овчаров С. «вел агитацию против действий властей, что имело место во время заседания Верненской городской думы, возбуждая население к самовольным и незаконным действиям. А также вел агитацию среди войск... призывая войска к погрому и неповиновению начальствующим лицам». ³¹

Таким образом, на примере иррегулярных войск Российской Империи можно наблюдать высокую революционную активность данных формирований. Несмотря на то, что иррегулярные войска являлись надежными подразделениями в системе вооруженных сил империи, все же утверждать о безусловной преданности царскому режиму в обозначенный исторический период было бы неверно хотя бы на основе фактических данных архивных материалов, которые в свою очередь подтверждают приверженность и принятие некоторыми представителями казачьих войск революционных идей. Подобные действия становились основанием для привлечения их к уголовной ответственности по законам военного времени.

²⁹Там же. Л. 407.

³⁰Там же.

³¹Там же. Д. 825, л. 396.

5. Создание военно-полевых судов в Туркестанском военном округе

Одной из наиболее чрезвычайных законодательных мер, принятых царскими властями против политических преступлений, национально-освободительных восстаний и для ужесточения порядка в войсках, было принятие временного закона о создании военно-полевых судов. Как говорил М.Н. Гернет, «“скорострельные” суды привлекли к делу расправы с обвиняемыми за государственные и общеуголовные преступления много сот воинских чинов...».³² «История легализации военно-полевых судов, – отмечал Н.Н. Полянский, – берет свое начало с 1906 года, с момента, когда последний российский император на докладе Главного военно-судного управления сделал собственноручную надпись». Данная надпись содержала в себе отношение императора к приговорам судов о смертной казни. «Я их признаю правильными», – писал Николай II. Исполнение приговоров в течение 48 часов после совершения преступления также по мнению императора было необходимой мерой в условиях нестабильной политической обстановки.³³

Положение Совета министров, обнародованное 19 августа 1906 года, стало началом эпохи военно-полевых судов. Для своего времени функции и полномочия данного органа, призванного осуществлять правосудие, не имели другого такого же аналога в международной практике.

На основании ст. 87 «Свода Основных Государственных Законов», имевшего юридическую силу с 1906 года, было постановлено: «1) Военно-полевые суды учреждать, если на то будет требование генерал-губернаторов. Состав судов должен формироваться из председателя и 4 членов – офицеров от войска. 2) Распоряжения генерал-губернаторов должны приводиться в исполнение без каких бы то ни было задержек следом за совершенным преступлением в течение суток. 3) Суд обязывается немедленно рассматривать, поступившие дела и завершать рассмотрение их не позднее 2 суток. 4) Разбирательства дел должны производиться в присутствии строго ограниченного количества участников при закрытых дверях. 5) Оглашенный судом приговор, безотлагательно вступает в свою силу и по распоряжению военных начальников приводится в течение суток в исполнение».³⁴

Обсуждение

С 1906 года военно-полевые суды имели самое широкое применение в Туркестанском крае, который к тому времени находился на военном положении. Население края (не только лица, имеющее непосредственное отношение к военной службе, но и представители иррегулярных войск, а также гражданские лица) на основании вышеприведенного законодательного акта оказались подсудными военно-полевым судам. «Когда учиненные лицами гражданского ведомства преступные деяния являются настолько очевидными, что нет надобности в его расследовании, предавать обвиняемого военно-полевому суду»³⁵ было постановлено Положением «Об учреждении военно-полевых судов».

³²Гернет М.Н. История царской тюрьмы / Петропавловская крепость 1900-1917 г.г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. Т. 4. С. 109-110.

³³Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905-1907 г.г. М.: Издательство Московского Университета, 1958. С. 195.

³⁴ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 2372, л. 1.

³⁵Там же.

Закон, содержащий подобный текст, давал ничем не ограниченные возможности местным властям чинить расправу по собственному усмотрению. Академик НАН РК Г.С. Сапаргалиев по этому поводу отмечал, что «...подобных судов в то время не было ни в одном государстве мира. Они не признавали общепризнанных процессуальных форм и элементарных юридических требований. По существу, такой суд осуществлял внесудебную расправу для скорейшего подавления революционного движения. Сыгравшие свою реакционную роль военно-полевые суды были отменены в апреле 1907 года. Но продолжали свирепствовать на огромной территории Казахстана военно-окружные и временные военные суды».³⁶

В своих трудах к вопросу об организации революционных трибуналов, а также созданию Чрезвычайной комиссии обращался казахстанский государственный деятель, ученый М.С. Сапаргалиев.³⁷ Он дал критическую оценку деятельности названных органов.

«Суды царской России в Казахстане являлись орудием колонизаторского гнета», – отмечал в своем труде «Судебное устройство Казахстана» заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, профессор М.П. Шаламов.³⁸

Из вышеизложенного материала, представленного для обсуждения, вытекает ряд тезисов, которые могут быть сформулированы в нижеследующих положениях:

- политическая активность населения в Туркестанском военном округе в описываемый период вызвала серьезные опасения со стороны действующей власти, что в свою очередь сподвигло последних к принятию временных законодательных актов, на основании которых лица могли привлекаться к уголовной ответственности за совершение политических преступлений;

- чрезвычайные законы военного времени не разграничивали действие данных законодательных актов по субъектам, в отношении которых они применялись, тем самым подвергая лиц, имеющих непосредственное отношение к военной службе и не имеющих к ней отношения, одним и тем же видам наказания (как правило смертной казни);

- массовое применение норм «Положения об усиленной и чрезвычайной охране» и «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» не возымело своего изначально запланированного результата, поскольку революционный накал в среде населения Туркестанского военного округа не спал, а более того, усугубился. Это доказывается последующими историческими событиями, приведшими к революции и народным восстаниям.

Заключение

Таким образом, царская Россия, рядом законодательных актов, усиливавших репрессию против попыток свергнуть самодержавие, пыталась удержать власть в своих руках. Но как показали дальнейшие исторические события, чем беспощаднее были законодательные меры против преступлений политического характера, тем больше она способствовала революционной активности населения. Ни смерт-

³⁶Сапаргалиев Г.С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905-1917 гг.). Алма-Ата: Наука, 1966. С. 43.

³⁷Сапаргалиев М.С. Организация советского суда в Казахстане. (Октябрь 1917 – июль 1918 г.). Алма-Ата, 1954. С. 68.

³⁸Шаламов М. П. Судебное устройство Казахстана. М., 1941. С. 100.

ная казнь, ни военно-полевые суды, ни каторга и ссылка не были способны удержать прежнюю власть царя. Семиреченское казачье войско в тот сложный во всех отношениях период выполняло исторически неоднозначную миссию. Дух противоречия и всеобщего метания в многосложных политических ситуациях не обошел казачество стороной. Являясь карателями в отношении местного населения, казаки нередко и сами оказывались жертвами незнающих пощады военных судов. Страна стояла в преддверии новой исторической эпохи, в которой большевиками в расчете на «классовые интересы основной массы казачества» делались определенные ставки на поддержку с их стороны. В.И. Ленин в работе «Русская революция и гражданская война» приводил следующее свое заключение: «...казаки расколются на ничтожнейшее меньшинство сознательных корниловцев и на огромное большинство сторонников демократического и социалистического (ибо речь тогда пойдет именно о социализме) союза рабочих и крестьян».³⁹

Со свержением власти самодержавия не исчезло вместе с ним понятие о преступлениях политического характера. На смену царизму пришло Временное правительство, следом же смененное властью большевиков. В стране установилась совершенно новая по своему характеру форма государственного правления, в которой политическое инакомыслие граждан также каралось под видом измены Родине, также преследовалась всякая попытка открыто выразить свой протест против деятельности высшей государственной власти, но это было уже в последующих исторических событиях, при другом политическом режиме.

Л.М. Сатанова, з.ғ.к., Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті «Күкык» кафедрасының профессоры (Алматы қ., Қазақстан): Саяси қылмыстармен күрес (Түркістан әскери округінің тұрақты емес әскерлері мысалында).

Мақала тақырыбының *өзектілігі* саяси қылмыстарға қарсы күрес кезінде Түркістан әскери округіне қатысты қабылданған Ресей империясының бірқатар заңнамалық актілерінің (1881 жылғы «Күшейтілген және төтенше қорғаныс туралы Ереже», «Мемлекеттік тәртіп пен қоғамдық тыныштықты қорғау шаралары туралы Ереже») салдарын анықтаудан көрінеді. Зерттеу *пәні* уақытша сипатқа ие, бірақ Түркістан әскери округі аумағында кеңінен қолданылған жоғарыда келтірілген заңнамалық актілер болып табылады. Жұмыстың *мақсаты* – саяси қылмыстардың жолын кесу міндетін арқалаған заңнамалық сипаттағы шаралардың рөлі мен тарихи маңызын зерттеу. Мақаланы дайындау кезінде автор алынған нәтижелерді салыстырмалы талдау, тарихи деректерді жүйелеу сияқты зерттеу *әдістерін* қолданды. Жұмыстың *жаңашылдығы* бұрын ғылыми айналымға тартылмаған мұрағат материалдарының, ғылыми талдауға және зерттеуге ұшырамаған заңнамалық актілердің пайдаланылуымен айқындалады. *Негізгі қорытындылар*. Сипатталған кезеңде Түркістан әскери округіндегі халықтың саяси белсенділігі сол кездегі билік тарапынан елеулі алаңдаушылық туғызды, бұл өз кезегінде соңғыны саяси қылмыстар жасағаны үшін қылмыстық жауапкершілікке тарту мүмкіндігін көздейтін уақытша заңнамалық актілерді қабылдауға итермеледі. Соғыс уақытындағы төтенше заңдар осы заңнамалық актілердің қолданысын субъектілер бойынша жіктемеді, сол арқылы әскери қызметке тікелей қатысы бар адамдарды да, оған қатысы

³⁹Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Полное собрание сочинений. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 214-228.

жоқ адамдарды да жазаның бірдей түрлеріне (әдетте, өлім жазасына) ұшыратты. «Күшейтілген және төтенше қорғаныс туралы Ереже», «Мемлекеттік тәртіп пен қоғамдық тыныштықты қорғау шаралары туралы Ереже» нормаларының жаппай қолданылуы бастапқыда жоспарланғандай нәтиже бермеді, өйткені Түркістан әскери округі тұрғындары арасындағы революциялық шиеленіс бәсеңсімеді, тіпті өрши түсті. Мұны революция мен халық көтерілістеріне әкелген кейінгі тарихи оқиғалар дәлелдейді.

Тірек сөздер: саяси қылмыстар, Ресей Империясы, Түркістан өлкесі, заңнама-лық актілер, соғыс жағдайы, әскери-далалық соттар, өлім жазасы, революция.

L.M. Satanova, Candidate of Legal Sciences, Professor of the «Law» Department of Kazakh National Agrarian Research University (Almaty): Combating political crimes (on the example of the irregular troops of the Turkestan Military District).

The *relevance* of the topic of the article is determined by the identification of the consequences of the application of a number of legislative acts of the Russian Empire adopted in the fight against political crimes (“Regulations on enhanced and emergency protection”, “On measures to protect public order and public peace” of 1881) in relation to the Turkestan Military District. The *subject of the study* is the above-mentioned legislative acts, which were temporary in nature, but were widely used in the territory of the Turkestan Military District. The *purpose* of the work is to investigate the role and historical significance of legislative measures, the task of which was to suppress political crimes. During the research the author used such research methods as comparative method and comparative analysis of the results obtained; method of systematization of historical data. The *novelty* of the work is determined by the use of archival materials that were not previously involved in scientific circulation, legislative acts that were not subjected to scientific analysis and research. *Main conclusions.* The political activity of the population in the Turkestan Military District during the described period caused serious concerns on the part of the current government, which in turn prompted the latter to adopt temporary legislative acts on the basis of which people could be held criminally liable for committing political crimes. The emergency laws of wartime did not differentiate the effect of these legislative acts by the subject in respect of which they were applied, thereby subjecting persons directly related to military service and not related to it to the same types of punishment (usually the death penalty). The mass application of the norms of the “Regulations on enhanced and emergency protection” and “On measures to protect public order and public peace” did not have its originally planned result, since the revolutionary intensity among the population of the Turkestan Military District did not subside, and moreover, worsened. This is proved by subsequent historical events that led to the revolution and people’s uprisings.

Keywords: political crimes, Russian Empire, Turkestan region, legislative acts, martial law, field-military courts, death penalty, revolution.

Список литературы:

1. Военно-полевые суды / отчет Государственной Думы. СПб.: Типография Н.Н. Клобукова, 1907. – 112 с.
2. Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты 1907 года. Сессия вторая, заседание 44, 22 мая 1907 года. СПб.: Государственная типография, 1907. Том 2.

3. Гернет М.Н. История царской тюрьмы / Петропавловская крепость 1900-1917 гг. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. Т. 4.
4. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Полное собрание сочинений. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969.
5. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830-1884. Соб. 2. Отд. 1. Т. 45, № 48354.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. XXVI. СПб., 1906. № 27480.
7. Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905-1907 г.г. М.: Издательство Московского Университета, 1958.
8. Столетие военного министерства 1802-1902 / Главное военно-судное Управление. Исторический очерк / Гл. ред. Скалон Д.А. СПб., 1914. Т. 12. Книга I. Часть 2.
9. Свод военных постановлений 1869 года. / Ч. 6, Уставы Военно-уголовный, Дисциплинарный и Военно-судебный. СПб., 1879.
10. Сапаргалиев Г.С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905-1917 гг.). Алма-Ата: Наука, 1966.
11. Сапаргалиев М.С. Организация советского суда в Казахстане (Октябрь 1917 – июль 1918 г.). Алма-Ата, 1954.
12. Уголовное уложение 1903 г. / Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. XV.
13. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 64, оп. 1, д. 5655, л. 13; д. 728, л. 34.
14. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 76, оп. 1, д. 731, л. 26, 37.
15. Шаламов М. П. Судебное устройство Казахстана. М., 1941.

References (transliterated):

1. Voенno-polevye sudy / otchet Gosudarstvennoj Dumy. SPb.: Tipografija N.N. Klobukova, 1907. – 112 s.
2. Gosudarstvennaja Duma. Vtoroj sozyv. Stenograficheskie otchety 1907 goda. Sessija vtoraja, zasedanie 44, 22 maja 1907 goda. SPb.: Gosudarstvennaja tipografija, 1907. Tom 2.
3. Gernet M.N. Istorija carskoj tjur'my / Petropavlovskaja krepost' 1900-1917 gg. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoj literatury, 1962. T. 4.
4. Lenin V. I. Russkaja revoljucija i grazhdanskaja vojna // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pjatoe. M.: Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1969.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. SPb., 1830-1884. Sob. 2. Otd. 1. T. 45, № 48354.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr. 3. T. XXVI. SPb., 1906. № 27480.
7. Poljanskij N.N. Carskie voennye sudy v bor'be s revoljuciej 1905-1907 gg. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1958.
8. Stoletie voennogo ministerstva 1802-1902 / Glavnoe voенno-sudnoe Upravlenie. Istoricheskij oчерk / Gl. red. Skalon D.A. SPb., 1914. T. 12. Kniga I. Chast' 2.
9. Svod voennyh postanovlenij 1869 goda. / Ch. 6, Ustavy Voенno-ugolovnyj, Disciplinarnyj i Voенno-sudebnyj. SPb., 1879.
10. Sapargaliev G.S. Karatel'naja politika carizma v Kazahstane (1905-1917 gg.). Alma-Ata: Nauka, 1966.

11. Sapargaliev M.S. Organizacija sovetskogo suda v Kazahstane (Oktjabr' 1917 – ijul' 1918 g.). Alma-Ata, 1954.
12. Ugolovnoe ulozhenie 1903 g. / Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1912. T. XV.
13. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan (CGA RK), f. 64, op. 1, d. 5655, l. 13; d. 728, l. 34.
14. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan (CGA RK), f. 76, op. 1, d. 731, l. 26, 37.
15. Shalamov M. P. Sudebnoe ustrojstvo Kazahstana. M., 1941.

Для цитирования и библиографии: Сатанова Л.М. Борьба с политическими преступлениями (на примере иррегулярных войск Туркестанского военного округа) // Право и государство. 2022. № 1(94). – С. 6-22. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_1_6

Материал поступил в редакцию 11.01.2022.

НОВЫЕ КНИГИ

Трансформация концептуальных основ подготовки юристов для сферы бизнеса в условиях цифровой экономики. Монография / Отв. ред. Ершова И.В., Енькова Е.Е. М.: Проспект, 2021. – 240 с.

ISBN: 9785392352425

Предлагаемая монография посвящена комплексной проблематике подготовки бизнес-юристов в условиях цифровой экономики. В книге изложены правовые основы цифровизации образовательного процесса в аспектах как федерального, так и локального нормотворчества. Рассмотрен российский и зарубежный опыт использования цифровых технологий в юридическом образовании. Представлен правовой статус субъектов цифровой образовательной среды, в том числе инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Показаны варианты выстраивания индивидуальной образовательной траектории обучающихся. Исследовано применение компетентностного подхода в высшей школе. Проанализированы цифровые компетенции юристов и разнообразный арсенал средств их развития. Охарактеризована инфраструктура вуза в контексте формирования предпринимательских компетенций. Дана оценка применяемых новых цифровых образовательных технологий, в том числе на основе анализа результатов авторских социологических исследований. Законодательство приведено по состоянию на 1 июля 2021 г.

Монография адресована в первую очередь преподавателям высшей школы, осуществляющим воспитание и образование юристов, а также аспирантам, обучающимся по программам подготовки кадров высшей квалификации. Книга может быть полезна широкому кругу читателей, интересующихся актуальными проблемами современного образования. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16081 «Трансформация концептуальных основ подготовки юристов для сферы бизнеса в условиях цифровой экономики».